

0-773213

На правах рукописи

Рудомёткин Игорь Владимирович

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СКАЗОВЫХ ФОРМ
В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА
(СТИЛЕВЫЕ АНАЛОГИ “ЗАЯЧЬЕГО РЕМИЗА”
И “ОЧАРОВАННОГО СТРАННИКА”)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2008

Работа выполнена в Воронежском государственном педагогическом университете

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Дыханова Берта Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Евдокимова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Шелаева Алла Александровна

Ведущая организация: Орловский государственный университет

Защита состоится “26” ноября 2008 г. в “14” часов на заседании диссертационного совета Д 212.038 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан “ ”

2008

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439095

Ученый секретарь
диссертационного совета

 - О.А. Бердникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Сегодня к лесковскому литературному наследию приковано интенсивное исследовательское внимание, способствующее возникновению новых ракурсов рассмотрения и оценки как всего творчества, так и отдельных произведений “волшебника слова”. Дискуссионным является и вопрос о законах творческой эволюции писателя, об эстетической природе его поздней прозы: ранее не вызывавшие сомнений в их сатирической принадлежности “Грабеж”, “Смех и горе”, “Зимний день”, “Полунощники” в работах некоторых исследователей рассматриваются в ином ключе – как образцы онтологического реализма, выходящие за рамки сатирических жанров.

Предпринятое исследование призвано подтвердить динамическую целостность художественного мира писателя в изменчивости повествовательных сказовых форм. Завершивший творческий путь Н.С.Лескова “Заячий ремиз” и написанный двумя десятилетиями ранее “Очарованный странник”, по мнению большинства лесковедов, идеологически отрицают друг друга. Однако в процессе осмысления семантики стилевых совпадений и различий выявляется глубинная общность авторских художественных идей, свидетельствующая о единстве и целостности творческого мировидения художника.

Актуальность подобного исследования связана с необходимостью уяснения специфики эстетических законов “крайнего реализма” у позднего Лескова.

Научная новизна работы заключается в том, что эволюция сказовых форм в двух повестях осмысливается диалектически: “Заячий ремиз” и “Очарованный странник” впервые оцениваются не только как эстетически и концептуально близкие произведения, но и как этапы художественного углубления в проблему национальной ментальности, порождающей особый тип праведничества, кардинально отличный от житийного канона.

Объектом исследования является поэтика повести Н.С. Лескова “Заячий ремиз” в ее стилевой и семантической сопряженности с поэтикой “Очарованного странника”.

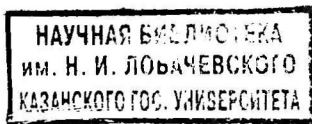
Предмет анализа – эволюция сказовых форм в творчестве Лескова.

Материалом исследования послужили повести Н.С. Лескова “Очарованный странник” (1873 г.), созданный в период появления цикла “праведнических” произведений, и “Заячий ремиз” (1894 г.), ознаменовавший заключительный этап его творчества. Сопоставительный анализ названных произведений высвечивает, как далеко уходит Лесков-мыслитель от романтической веры в естественные начала русского национального характера, и до какой степени он остается самим собой в художественном познании глубинных процессов национальной жизни. Рассмотрение “Очарованного странника” и “Заячьего ремиза” как повестей-“двойников” с очевидностью доказывает: в конце творческого пути тип лесковского героя (“антик”, “чудак”, “очарованный странник”), уступает место “оболваненной” массовидной единице, что, однако, свидетельствует не о социальном пессимизме и подчинении лесковского дарования сатирическому заданию, а о дальнейшем развитии и обогащении художественных идей писателя.

Главной целью нашей работы становится доказательство типологической общности разных этапов творческой эволюции художника на основе обнаружения в тексте “Заячьего ремиза” автореминисценций из “Очарованного странника”, а также определения их эстетической функциональности в системе художественного целого.

Основные задачи исследования можно определить следующим образом:

а) выявление стилевых аналогов в “Заячем ремизе” и “Очарованном страннике” и формирование целостного представления о своеобразии авторской (литературно-художественной) и авторологической (критической) деятельности;

б) определение символических значений фактов в их стилевых совпадениях и контрастах;

в) идеологическое обоснование художественных трансформаций сказовой повествовательной модели в “Заячем ремизе”;

г) установление глубинных связей авторского художественного мышления и его стилового воплощения.

Методология исследования представляет собой сочетание элементов типологического, герменевтического и описательного методов. Теоретическую и методологическую основу данной работы образовали труды замечательных литературоведов М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.М. Эйхенбаума, посвященные общим проблемам и явлениям литературного процесса; а также исследования ведущих отечественных и зарубежных ученых в области поэтики Н.С. Лескова (О.В. Анкудиновой, Л.П. Гроссмана, Б.М. Другова, Б.С. Дыхановой, О.В. Евдокимовой, Ж.-К. Маркадэ, И.В. Столяровой, В.Ю. Троицкого, Е.В. Тюховой, М.П. Чередниковой, А.А. Шелаевой и др.).

Теоретическая значимость исследования. Результаты проведенного анализа могут использоваться при дальнейшей разработке общих теоретических вопросов, связанных с исследованием сказовых форм в творчестве Н.С. Лескова.

Практическая значимость работы в том, что ее материалы могут быть использованы в курсах истории русской литературы XIX века, спецкурсах по творчеству Лескова, а также на факультативных занятиях в средних школах гуманитарного профиля.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) вопреки традиционным представлениям о противоположности идеологических и эстетических задач “Очарованного странника” и “Заячьего ремиза”, в стилистике последней повести обнаруживается трансформа-

ция повествовательных форм и реализованных в первой повести художественных идей;

2) при исследовании тематических и стилевых параллелей и переключек в названных произведениях выявляются специфические черты творческого мышления писателя и мировоззренческие истоки парадоксальной общности двух текстов-“антиподов”;

3) уточняется представление о сути творческого метода позднего Н.С. Лескова, поскольку выявляемая общность поэтики двух повестей свидетельствует о неизменности интереса автора к устному слову низового героя как отражению “коллективного бессознательного” (не контролируемых разумом ментальных процессов, совершающихся в народном сознании);

4) на основе анализа стилистики двух повестей в их амбивалентной общности разные этапы творческого пути Лескова трактуются в их идеологической и эстетической сопряженности.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы, теории и методики преподавания литературы Воронежского государственного педагогического университета, на Всероссийской научно-методической конференции, проходившей в Воронежском государственном педагогическом университете в 1996 году, международных юбилейных литературоведческих конференциях, посвященных творчеству Лескова (Орел, 2001, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключение и Списка использованной литературы. (232 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, его актуальность и научная новизна, определяются цели и задачи работы, приводится краткий обзор использованной научной литературы по избранной проблеме.

В первой главе «Типологическая общность двух повестей» в центре внимания оказываются варианты заголовков двух повестей, семантика их основных концептов, а также эпиграф к “Заячьему ремизу” из сочинений Сковороды в его эстетической и идеологической проекциях на лесковский текст.

Первый параграф посвящен анализу вариантов заголовков, подзаголовков повестей, типологии героев-рассказчиков.

Изменивший первоначальное название – “Черноземный Телемак” (так именовалась повесть в “Русском вестнике”) на заголовок “Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения” (в газетной публикации) автор во всех последующих изданиях убирает его вторую часть. Знаменательно, однако, что не совсем точный аналог изъяттого появится в подзаголовке ко второй повести (в первом варианте именовавшейся “Игра с болваном”) – “Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуды из Перегудов”. Если в трех вариантах заглавия в первой повести сохраняется концепт “пути” (странничества, землепроходства – в противовес мореплаванию легендарного Телемака), то во второй доминирует понятие “игра”.

“Перебор” названий в обоих случаях определяется типологией каждого из двух лесковских героев, Ивана Северьяныча Флягина и Оноприя Перегуды. Первый с рождения обречен на скитальчество, проживает множество “жизней”, вживаясь в разные роли, и вместе с тем всегда оставаясь самим собой. Столь же фатально прикреплен к “своему месту”, родовому поместью Перегуды герой “Заячьего ремиза”, будучи почти во всех перипетиях своей судьбы пассивным объектом чужих манипуляций, чужой воли, что и акцентировано в названиях: открыто – в первом (“Игра с болваном”) и метафорически – в окончательном варианте (“Заячий ремиз”).

Лексема “ремиз”, в карточной игре означающая недобор установленного числа взяток и штраф за него, находится в одном смысловом ряду с “игрецким” термином: “болваном” именовался воображаемый игрок, на

которого сдавались карты, находящиеся в распоряжении играющих. Эпитет “заячий” вкупе со словом “ремиз” указывает на еще один семантический аспект, указанный в словаре Вл. Даля: болваном в народной речи называли “помесь от псовой собаки и овчарки, волкодава” (т.1, с.109).

Сюжет повести содержит и этот “охотничий” ракурс: во второй части “драмокомедии” Перегуд становится полицейским “псом”, отслеживающим конокрадов и “потрясателя” (в последнем случае уже по собственной охоте). В этих “охотничьих” параллелях как бы пародируется сходное лексическое оформление страсти Ивана Флягина к лошади (“охотницкая”).

Заявленный в “Очарованном страннике” мотив дороги, постоянного перемещения в “большом” топосе (географическая горизонталь здесь весьма протяженна) в “Заячьем ремизе” трансформируется в локус Перегудов. Различие художественных миров (разомкнутого у Флягина и ограниченного у Оноприя) мотивировано свободным, часто случайным, но собственным выбором Флягина, и внутренней готовностью Перегуда к роли “болвана” в чужой игре, не предполагающей ни личной свободы, ни какого бы то ни было выбора. С присущей очарованному страннику “необъятностью протекшей жизненности” контрастирует ущербная и скудная событиями “нежизнь” оболваненного героя. Вот почему в подзаголовке “аналоге” выпадает лексема “жизнь”, а понятие “мнения” замещаются словом иной семантической окраски – “наблюдения”.

“Соединяющая” повести лексема “приключения” в разных контекстах тоже обнаруживает свою вариативность. В перечне ее значений в словаре Вл. Даля есть и такие, как “случай” и “похождение”. Случайность является сюжетообразующей в обоих текстах, ею отмечены все перипетии и флягинской судьбы, и “жития” Перегуда. “Похождения” же невозможны для безвольного и духовно нищего героя “Заячьего ремиза”: его “приклю-

чения” инициированы не высшим промыслом, как в истории Флягина, а корыстным или эгоистическим расчетом окружающих.

Таинственные законы взаимодействия случайного и закономерного, отношений отдельного человека и внешнего мира художественно исследуются автором не только на событийном, но и ментальном уровнях. “Неизвестные факторы бытия” (Ю.М. Лотман), не учитываемые сознанием главных героев, включены в эти отношения на бессознательном уровне. Ответы миру здесь во многом определяются столкновением личного опыта героев с “порядком вещей”. Если Иван Северьяныч Флягин и интуитивно, и сознательно следует библейскому завету Создателя, повелевавшему: “толцйтесь” (т.е. усиливайтесь в преодолении невзгод), то Оноприй Перегуд, олицетворяя другую установку (непротивление обстоятельствам) убыстрившимся темпом времени вовлечен в бег по кругу и потому подвержен фанатизму ложной целью.

С эстетической самодостаточностью формулы “очарованный странник” и заявленной в ней характеристикой героя, верного своей уникальной натуре, спорит образ “безнатурного болвана” и связанное с ним название повести. Автор, по собственному признанию, заботился, чтобы оно “было смирнее и непонятнее”. В письме Лескова М.М. Стасюлевичу от 8 января 1895 года говорится: “Рукопись была готова, а я все не лажу с заглавием, которое мне кажется то резким, то как будто мало понятным. Однако пусть побудет то, которое я теперь поставил: то есть “Заячий ремиз”, то есть юродство, в которое садятся зайцы, им же бе камень прибежище”.

По Далю, “юродством” называется состояние “безумия”, впадение в юродство связано с желанием “прикидываться дурачком”, “напускать на себя дурь”. Уже в первых строках лесковского повествования – в “Кратком предисловии” пойдет речь о странностях подобного типа поведения: некоторые обитатели лечебницы для повествователя оказываются “интересны – в том отношении, что помешательство их было почти неуловимо, а между

тем они несомненно были помешаны”. В этом ракурсе вышеупомянутые лесковские пояснения, адресованные редактору, можно интерпретировать как косвенное напоминание о том, что безумие есть защитная реакция организма, повинующегося природным инстинктам на чрезмерное давление окружающего мира, когда “прибежищем” (спасением и защитой) может послужить и “камень”.

В библейском тексте лексема “камень” имеет и религиозно-культовый смысл. На каменных досках высечены десять заповедей; из необработанного камня сооружался жертвенник; кремль служил ножом для обрезания и т.п. Апостол Петр, используя образ построенного из камня дома, говорит о строительстве “духовного дома”, “живыми камнями” коего являются христиане. В библейском толковании фундамент веры зиждется на раннехристианских пророках и апостолах. Эти подтекстовые значения, расширяя художественный контекст, заставляют усомниться в принадлежности последней повести к жанру сатиры и побуждают к учету всех элементов стилистики повествования, в том числе эпиграфа к “Заячьему ремизу” из сочинений Григория Сковороды.

Во втором параграфе рассматриваются композиция “Заячьего ремиза” и ее семантика.

Так же, как в “Очарованном страннике”, стержнем композиционного построения “Заячьего ремиза” является случай, непредсказуемые жизненные ситуации, определяющие повороты сюжета и становящиеся знаками судьбы. “Лишние” эпизоды в рассказе Оноприя Перегуда с тягой рассказчика к “ненужным” подробностям и отступлениям от главной темы, имеют, однако, особый смысл в системе художественного целого. Уже в “Кратком предисловии” повествователь обращает внимание на веселость и разговорчивость “старика в бабьем повойнике”, казалось бы, несовместимые с местом обитания. В фигуре нового героя автору видится некий “продукт” времени, неявно и неуклонно меняющего свой облик. Именно с

этим связано исходное внимание автора к загадке “бессмыслия” главного героя “Заячьего ремиза”, воплощающееся в повествовательной структуре. Довольство пациента, обретающего *“свое призвание”* (курсив автора – И.Р.) в постоянном вязании чулок, раздаваемых бедным, противоречит сатирическим законам.

Цель повествователя добраться до сути совершающихся исторических перемен. Рассказ героя, напротив, абсолютно лишен рациональной задачи: потребность исповеди обусловлена желанием освободиться от непонятной ему душевной смуты, и только читателю представляется возможность уяснить подспудную логику “случайного” через детали и словесную игру.

Подобная функциональность напрямую влияет на временные рамки рассказываемого. Рассказ повествователя предельно лаконичен в структурном плане, но развёрнут во временном. Слушатели в “Очарованном страннике” постоянно требуют уточнений, выражают удивление, всячески поощряют рассказчика и оценивают сказанное, тем самым иницируя процесс рассказывания. В “Заячьем ремизе” другая тактика повествования: “чужое” (повествователя) и “свое” (героя) слово соединяются в общей лексической ткани, поскольку текст обрамления буквально пронизан извлечениями из исповеди рассказчика.

Эта исповедь занимает полных двадцать пять главок повести, еще две содержат диалог героя и повествователя, завершаемого специально обозначенным повествователем “Эпилогом”. Краткое предисловие и последующие четыре главы принадлежат повествователю и содержат сведения о предках Перегуда, об истории села, уничтожении “казацкого лыцарства” и “нехристианской” роли в этом церкви. И только в пятой главе повествователь передает слово самому Оноприю Перегуду. Вместо последовательной, логичной и живописной исповеди “очарованного странника” рассказ героя “Заячьего ремиза” алогичен, фрагментарен, сумбурен, а по-

стоянные “отступления” и “рикошеты” еще более запутывают сюжет. Однако замаскированный всевозможными отступлениями “порядок” при реконструкции выявляет поворотные моменты процесса “оболванивания” персонажа. На ином уровне, чем в “Очарованном страннике”, достигается аналогичный результат: герой-рассказчик, знакомя слушателя с фактами собственной жизни, не имеющими для рассказывающего видимого смысла, в конечном итоге обретает истину о себе и мире, в котором живет. Подобно гоголевскому Поприщину, в стенах сумасшедшего дома Оноприй Перегуд освобождается от морока “игрищ”, в которые вовлечен, от автоматизма навязанных правил “игры с болваном” и находит свое духовное прибежище во внутренней свободе, добродетели и отречении от ложных ценностей.

Автор “Заячьего ремиза” сосредоточивается на художественном исследовании тех социальных и ментальных факторов, давление которых постоянно ощущает “внутренний человек”. Выявляемая путем эстетического анализа неявная авторская проекция “Заячьего ремиза” на текст “Очарованного странника” нужна Лескову как своеобразный “инструмент” измерения вектора отклонений бытовой “нежизни” нового героя от нормы подлинно нравственного человеческого существования. Лексема “болван” осмысливается по-новому: Оноприй Перегуд “назначен” на роль игрока вне игры, судьбой которого, как картами, распоряжаются другие, присваивающие это право без согласования с “болваном”. Подчинившийся воле других и абсолюту случая главный герой “Заячьего ремиза” – всего лишь разменная карта в чужой игре.

В отличие от непредсказуемых поворотов судьбы Ивана Северьяныча Флягина, чьи отношения с миром определяются прежде всего уникальностью его личности, “приключения” Оноприя Перегуда как бы “организованы” окружающими, с их представлениями о том, “что такое хорошо и что такое плохо”. Другая, чем в “Очарованном страннике” типология пер-

сонажа обуславливает изменения в самой структуре повествовательной модели, исследованию которой и посвящена вторая глава работы.

Во второй главе «Художественная специфика повествовательных моделей в “Очарованном страннике” и “Заячем ремизе”» сопоставляются структурообразующие элементы двух произведений.

В первом параграфе рассматривается организация повествования в каждом из них. Контрастность двух персонажей – Флягина и Перегуда отражается и в трансформациях повествовательной формы. В “Заячем ремизе” Лесков использует опыт “Воительницы”, вновь возвращаясь к “переходной” от очерка к сказу эстетической повествовательной модели, представляющей своеобразную “стенограмму” диалога с обитателем сумасшедшего дома, чем-то напоминающую разговоры с “нелепой мценской бабой”. В новую историческую эпоху именно “нелепость”, простоватость, несоответствие самооценки объективным фактам, доминирующие в характеристике Оноприя Перегуда социально опасны.

“Позаимствованы” и некоторые черты биографии героя “Заячьего ремиза”. Так, обучение в архиерейском хоре и певческое дарование Оноприя напоминает о литературном “предтече” Флягина – богатыре-дьяконе Ахилле Деснице из “Соборян”. Крутые повороты судьбы, когда из-за особого случая, Оноприй “спал с голоса” и сделался сначала “посошником”, а потом и вовсе оставил церковное поприще ассоциируются опять-таки с неожиданными и курьезными “актами” жизненной “драмокомедии” Флягина. Возникающие параллели во многом способствуют дешифровке стилистики “Заячьего ремиза”. На сюжетно-фабульном и повествовательном уровне проявится мнимость “безнатурности” героя, “телесный болван” действительно окажется лишь “тенью” его духовной сущности, а последняя является прерогативой не логики, а жизни сердца, в меркантильном мире воспринимаясь как аналог безумия. При анализе основных черт практической и словесной (логической) деятельности Оноприя Перегуда,

его “речевого поведения” выясняются, свойства характера. В “очарованном страннике” и “болване” выявляется контрастирующая типология субъектов деятельности – стихийной и целенаправленной, активной и пассивной, практической и созерцательной, объективирующей экзистенциальные силы героя или подавляющей их. Это богатство душевных сил отражается и в слове героя, которому в “Очарованном страннике” отдана почти вся площадь текста. В “Заячем ремизе” слово героя постоянно “подпирается” словом повествователя, традиционно выступающего в роли слушателя, а затем “записчика” безыскусной исповеди.

Повествователь предупреждает, что из длинной истории, рассказанной Оноприем, он дает только “любопытнейшие извлечения”, но в рассуждениях по поводу рассказанного и впечатлений от созерцания персонажа воочию постоянно “цитирует” рассказчика. Особая проблематичность выявления внесубъектных способов авторской оценочности связана в “Заячем ремизе” как раз с трагикомическим сцеплением случайностей, не зависящих от воли героя, убежденного, однако, что все это “походило от собственной его удивленной природы” (“... природа его была такова, что он еще в детстве своем бегал сам за собою вокруг бочки, настойчиво стараясь сам себя догнать и выпередить”). Возникающая уже в “Кратком предисловии” метафора движения по замкнутому кругу (“вокруг бочки”) реализуется в развитии сюжета, разворачивающегося в рассказе Оноприя по законам устной импровизации – с отступлениями, “рикошетами” и повторами. Синтез, отраженный в восприятии рассказчиком реальности и авторской иронической рефлексии в первых четырех главах, создает характерную для лесковского сказа повествовательную модель, в которой авторская оценочность проявляется в “игре словом” и “игре слов”, в определенной комбинаторике отдельных главок, в их неявной эстетической соотнесенности. Автор внимателен к нелепым поворотам “драмокомедий” нового героя,

представляющего некий “продукт”, фабрикуемый временем в массовом “изготовлении”.

“Речевое поведение” повествователя и героя кардинально отличаются стилевыми доминантами в силу разных целей высказываний. Функция повествовательного слова – как можно точнее описать феномен личности “массовидной”, не способной к логическому осмыслению ни внешних событий, ни своей внутренней сущности, но непостижимым образом обретающей, хоть и курьезное, но настоящее “призвание” в чрезвычайных обстоятельствах “королевства кривых зеркал”. Рассказчик же стремится к детальному воспроизведению своей жизни в стихийном стремлении связать ее концы и начала, уяснить причины, по которым ни “самое необыкновенное образование”, ни исполнение “необыкновенного долга службы свыше всякого воображения” привели к тому, что во всем этом “превзошедший себя самого” Перегуд “даже, наконец, сам для себя стал непонятен и удивителен”. Иными словами, процесс речевого взаимодействия слушателя и рассказчика в “Заячем ремизе” в конечном итоге обретает ту же смысловую значимость, что и в “Очарованном страннике”. Последняя пристань этого персонажа – сумасшедший дом метафорически соотносима с монастырской общиной, куда все-таки “доплывает” “сын моленый и обещанный” Иван Северьяныч Флягин, так как пребывание за монастырской оградой и за стенами лечебницы предполагает отрешенность от мирской жизни и имеет общие законы. В авторском понимании и то, и другое – “юдоль” (как назван один из лесковских рассказов), то есть долина скорби, духовных забот и печали. Об этом свидетельствует и возвращающий к началу повествования “Эпилог” о последних днях пребывания Перегуда в “юдоли смерти”. Ее основы он видит в насилиии – “тогда жить и умирать будет не так страшно, как нынче”.

На заключительном этапе своей земной “юдоли” герой “Заячьего ремиза” как бы возвращается в пору своего “пресчастливейшего детства”,

когда под надзором матери он вязал для себя чулки и перчатки. Вязание становится знаком возвращения к своему естеству, к исконной человечности. Желание быть кому-то полезным не имеет ничего общего с жадой продвижения по службе или получения награды. “Добро”, одна из “букв” славянской азбуки становится у автора знаком материального воплощения божественных начал мироустройства и одновременно победой духа над материей. Таким образом, вопреки традиционным представлениям о сатиричности последней повести, она соответствует поэтике онтологического реализма, не переставая быть злободневной, критической по отношению к современной автору реальности.

Во втором параграфе исследуются ключевые слова как один из способов авторской оценочности.

Уже в “Воительнице”, “Запечатленном ангеле” и “Очарованном страннике” Лесков широко использует повторяющиеся лексические единицы, которые в новом контексте обнаруживают разные оттенки значений. Не становится исключением и последняя повесть, в которой острую значимость обретают прежде всего формулы-характеристики главного героя.

Так, слово “болван”, являясь ключевым в характеристике Оноприя Перегуда, в тексте произведения своеобразно трансформируется, приобретая новые значения. Встречающееся в тексте произведения пять раз, оно не равно самому себе в начале и в конце повести. Слово “болван” в эпиграфе произведения или в словосочетании “вернопопданный болван”, обозначающее человека вообще, приобретает отрицательный оттенок в дальнейшем повествовании. В итоге Перегуд признаёт за собой эту кличку.

Вл. Даль дает подробный перечень лексических значений бранного слова, происходящего от именования обрубка бревна (чурбан, баклуша) и обретающего разные смысловые оттенки (истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог // чучело, набитое животное // деревянная, картонная или иная форма, колодка для обделки или расправления чего-либо // деревян-

ная или иная вещь, по которой должны отлить металлическую, образец и др.). В приведенном перечне интересны и такие понятия, которые связаны с манипуляциями формой. “Болван” пригоден и для изготовления языческих идолов, и для отливки металлических изделий, и для исправления неправильностей и устранения изъянов. Как показывает рассказ Оноприя, жизнь героя связана с манипулированием его сознанием, с насильственным изменением его природной человеческой сути. И даже такое редкое толкование лексемы “болван” как “помесь от псовой собаки с волкодавом”, приведенное Далем, находит свое отражение в сыщицкой “эпопее” Перегуда, образуя подтекстовые значения внешнего контекста.

С эпитафией “Заячьего ремиза” связаны и такие словосочетания, как “поза рожи”, встречающееся в произведении двенадцать раз, “животное благоволение” – шесть раз, “очи потухлы и зубы обнажены” – четыре раза.

При сравнении значения слов в различном контексте, выясняется, что одни, повторяясь, остаются неизменными, другие меняются и приобретают новый смысл. Словосочетание “поза рожи” – одно из тех внешне абсурдных новообразований, комизм которых связан с разнообразием, возникающим из-за несовпадения их “правильного” употребления с привнесенным говорящим смыслом. Происходящее от фр. *poser* < *poser* класть, ставить означает положение тела, и потому никак не может относиться к выражению лица. Лесковская словесная игра основывается на парадоксальном использовании метафорических аспектов этого понятия: позой именуется неискреннее поведение, проявление упрямства, необоснованное нежелание согласиться с чьим-то мнением, и, наконец, “встать в позу” означает заупрямиться. Метонимический перенос понятия, относящегося к телу, на лицо оказывается, таким образом, субъективно оправданным и выразительно характеризует не предмет разговора, а говорящего (архиерея как оригинала, а Перегуда как человека), автоматически пользующегося чужим словом.

Неоднократно встречающееся в тексте повествования курьезное словосочетание “животное благоволение” этимологически восходит к нескольким понятиям, синтезируя их значения. У славян существительное “живот” означало “жизнь человека и животного” “все, что есть в твари живое, оживляющее плоть, образующее земную жизнь” (Вл. Даль), т.е. равно относилось и к человеку, и к животному, уравнивало все, что “живет и дышит”. Употребляемая Перегудом как прилагательное лексема, сохраняя это первичное значение, в то же время оказывается двусмысленной, поскольку уже в лесковское время слово “животное” применялось в его отношении к жизни плотской и к жизни “скотской” (это отмечено и у Даля).

Благоволение же относится к церковной лексике и образовано из двух слов – благо (т.е. добро) и воля (по Далю, это “данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения). Хомяков, которого цитировал Даль, определил это понятие как “творческая деятельность разума”.

Все приведенные значения в лесковском тексте обретают новую лексическую жизнь, открывая в контексте разные грани смысла. Словосочетание “животное благоволение” (слово “животное” – производное от слова “живот”, т.е. жизнь, а слово “благоволение” означает “доброжелательство”) является не только характеристикой духовного мира героя, но и указывает на потенциальные возможности духовного воздействия. Главный герой в итоге приходит к гармонии с миром и согласию с самим собой. Иными словами, оболваненная личность оказывается способна к открытию истинных ценностей, обладание которыми превращает животную (скотскую) жизнь в истинно человеческую, когда свободное существование побеждает отрицающие ее обстоятельства.

В третьем параграфе рассматривается особая художественная функция кавычек и курсива, которые в изучаемых повестях обретают особую значимость. Здесь семантически выразительна даже графика типографско-

го текста, где устное слово обретает иную форму, утрачивая звучание, и для иллюзии непосредственного говорения героя автор широко пользуется кавычками и курсивом.

В повестях “Заячий ремиз” и “Очарованный странник” выделенные курсивом или кавычками слова условно можно разделить на три группы:

- а) выделенные кавычками и курсивом в речи повествователя;
- б) выделенные кавычками и курсивом в речи главного героя;
- в) выделенные кавычками и курсивом в речи других персонажей.

В “Очарованном страннике” есть ещё одна группа слов, выделенных кавычками и курсивом – в речи слушателей. Активность слушателей в “Очарованном страннике” побуждает главного героя пояснять и уточнять некоторые моменты своего повествования. Слово, выделенное курсивом, в таком контексте становится побудительной мотивировкой продолжения повествования героем-рассказчиком. В последнем произведении Н.С. Лескова эта группа отсутствует, так как повествователь – единственный слушатель рассказчика-героя Оноприя Перегуда.

Достаточно малочисленная первая группа слов в повести Н.С. Лескова “Очарованный странник” особо значима, так как связана, в основном, с описанием внешнего облика героя, где важна каждая деталь. Подобная систематика в “Заячем ремизе” ещё более впечатляюща. Повествователь здесь, характеризуя рассказчика, использует лексику и речевые обороты самого Оноприя Перегуда. Такое соединение двух лексических пластов парадоксальным образом обозначает мировоззренческую дистанцию между повествователем, выступающим в роли “историографа” и соединяющим причинно-следственной связью национальное и историческое, и непосредственным мировосприятием оболваненной личности. Таким образом, функция кавычек в речи повествователя обусловлена нарочитой контрастностью лексики повествователя и героя, выявляющая два полюса понимания реальности.

Группа слов, выделенных кавычками и курсивом в речи главного героя в повести “Очарованный странник”, выполняют разные функции:

- а) слова, которые главный герой подчёркивает интонационно;
- б) слова, раскрывающие новые, прежде всего незнакомые явления для слушателей;
- в) табуированная лексика, использующаяся для обозначения нечистой силы;
- г) словоупотребление, выдающее скрытый комизм, авторскую иронию.

Выделенная курсивом в речи главного героя “лексика” - один из способов авторской характеристики.

Кавычками в речи главного героя обозначены цитаты из романсов, писем, писаний, “Чина явления истины”, листовок и т.д. Кроме этого, в речи Оноприя Перегуда закавычиваются слова, указывающие на метод обучения.

В последней группе в повести “Очарованный странник” кавычками выделяются слова из лексикона собеседников. В кавычки заключаются также цитаты из Евангелия и названия молитв. В “Заячем ремизе” в этой группе также выделяются слова, принадлежащие другим лицам.

Анализ функционирования графики текста в повестях Н.С.Лескова “Заячий ремиз” и “Очарованный странник” выявляет семантизм мельчайших элементов повествования.

В четвертом параграфе рассматривается отражение философских идей Г. Сковороды в повести “Заячий ремиз”.

Обращение Лескова к трудам украинского философа, просветителя, поэта и педагога, отказавшегося от духовной карьеры и с 70-х годов XVIII в. избравшего образ жизни странствующего проповедника, вполне закономерно, поскольку писателя занимало присутствие во внешнем, видимом слое жизни скрытых пружин, управляющих ее течением. Будучи непримиримым противником “головных идей”, отвлеченных умствований,

Лесков предпочитает “практическое”, а не рациональное постижение законов бытия – в “наблюдениях” и “опытах”. Как и первоначальное название “Заячьего ремиза” (“Игра с болваном”), эпиграф из сочинения Сковороды свидетельствует о сопряженности авторской концепции с идеями этого народного философа. Присутствующее и в заглавии, и в эпиграфе понятие “болван”, соседствующее с лексемой “зеркала” (или “зеркалы” в орфографии Сковороды), есть лишь телесная оболочка, согласно учению народного мыслителя, бывшая “тенью истинного человека”, имитацией, “лицевидным деянием” его невидимой, но “присносушей силы и божества”. Последнее и воплощает духовную сущность личности. Главный тезис учения Сковороды о “безнатурном болване”, утверждающий необходимость преодоления противоречий между духовным и телесным началами, связан с объединением понятий “Бог” и “Природа” как тождественных. Специфика лесковской интерпретации идей Сковороды – в использовании возможностей искусства, позволяющего реконструировать любые жизненные ситуации: “безнатурный болван” окажется в обстоятельствах, казалось бы, не способствующих пробуждению духовных начал и воспитанию чувств. Тем не менее, в центре авторского внимания и здесь вопрос о духовном потенциале и нравственных ресурсах национального характера, о том, является ли естественный человек, “продукт” природы и социума, носителем божественного дара человечности и добра. В “Заячем ремизе” по-новому решается главная проблема “Очарованного странника”.

В современную автору эпоху буржуазных отношений писателю очевидно, что личность в отношениях с социумом вытесняется с центрального места, которое ей отводил Сковорода. В “Очарованном страннике” герой свой выбор делает в пользу “самостояния”, а не фатальной предопределенности: самобытность и одаренность Флягина приводят к обретению истинных духовных ценностей – атрибутов, которые свойственны “невидимой натуре”. Но если Флягин, бессознательно ощущая в себе “истинного человека”, преодолевая то, что Сковорода называл “мирскими соблазнами”, на-

ходит опору в самом себе, то Оноприй Перегуд и его “натура” до поры бессильны противиться социальному мороку.

Иными словами, в “Заячьем ремизе” автор как бы продолжает художественный эксперимент, начиная от противного и меняя исходную характеристику своего героя: Оноприй в силу своей “малости” (малоумия, примитивности чувств) еще менее, чем Флягин, защищенный от искушений мира, также не подозревает о своем человеческом назначении и нравственных опор тоже не имеет. Но, в отличие от Ивана Северьяныча, не обладает и силой чувств: ему свойственна “деревянность” чурбана. Олицетворению живых сил бытия, каковым является Флягин, противопоставляется персонаж, отмеченный скудостью природных даров.

Контрастны сами “телесные оболочки” персонажей. Колоритного красавца-богатыря Флягина невозможно не заметить. Облик Перегуда лишен этого богатырства, мужественности, красоты. Оноприй тоже характеризуется как “очень здоровый”, крепкого сложения, но с “присадковатой фигурой” и “круглым лицом”, “як добра каунка”. Внешнее становится пластическим отражением авторского взгляда на изменившийся социум. В этих различиях, намекающих, однако, на парадоксальную общность персонажей, уже просматривается скрытая целесообразность авторских сопряжений. Самобытность первого и массовидность второго не отменяют у автора божественное происхождение человека, а значит, и способность последнего к духовному преображению.

В заключении подводятся итоги предпринятого исследования, свидетельствующие о том, что в последнем произведении вера в человека, в возможность победы духа над “телесным болваном” остается у писателя неизменной, меняются не ценностные установки, а тип героя: “антик”, “чудак”, “очарованный странник” уступает место оболваненной человеческой единице в силу еще не осознаваемых общественным разумом исторических причин.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Пузыревский (Рудометкин) И.В. Из наблюдений над особенностями поэтики повести Н.С. Лескова “Очарованный странник” / И.В. Пузыревский (Рудометкин) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Воронеж. 1996. Часть 1. С. 97–98.

2. Пузыревский (Рудометкин) И.В. Эстетическая оценочность слова главного героя повести Н.С. Лескова “Заячий ремиз” / И.В. Пузыревский (Рудометкин) // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Выпуск 1: Н.С.Лесков. Орел: Орловский государственный университет, 2001. С.123–126.

3. Рудометкин И.В. Отражение философской мысли Г.Сковороды в повести “Заячий ремиз” / И.В. Рудометкин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. Т.14. С. 125–127.

4. Рудометкин И.В. “Территория” повествователя в “Заячем ремизе” и “Очарованном страннике” Н.С. Лескова / И.В. Рудометкин // “Стефанос”: сб. науч. статей. Воронеж: ВГПУ, 2008. С.148–154.

Работа № 3 опубликована в издании, соответствующем рекомендованному ВАК РФ “Перечню рецензируемых научных журналов и изданий”.

16-7

Научное издание

РУДОМЁТКИН Игорь Владимирович

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СКАЗОВЫХ ФОРМ
В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА
(СТИЛЕВЫЕ АНАЛОГИ “ЗАЯЧЬЕГО РЕМИЗА”
И “ОЧАРОВАННОГО СТРАННИКА”)**

Подписано в печать 13.10.2008. Формат 60×84 1/16. Печать трафаретная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,4. Заказ 233. Тираж 100 экз.

Воронежский госпедуниверситет.

Отпечатано с готового оригинала-макета в типографии университета.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86.